

Анна Атталь-Бушуева

Остановка
во мне —
доказательством
просит

18+

Анна Атталъ-Бушуева

Остановка во мне – доказательством просит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71249383

SelfPub; 2024

Аннотация

Забываешь во мне остановку во лжи, но идёшь, словно дерзкий магнит и тогда ты манишь за собой этот смысл, расставляя претензии в вид нам. Этот публицистический сборник поэзии об остановке на душе недоразумений, которые просятся, чтобы их поняли и обнаружили в своей личности.

Содержание

Пролог:	8
Не рыба по любви	13
Отгадай откуда тень?	14
Прибывший изнутри..	16
В очередное время посмотри	18
Не знать до тебя..	20
Мастер трагедий	21
Не покинутый дух	23
Честный этому рад	25
Философский почерк – ответ	26
Устаревшее правило смерти	28
Не обижай меня в тени..	30
Числится в уме	32
Русская ловушка	34
Пульс одиночества	36
Ни минуты на раздумье..	38
Присутствуя в малой прозе	40
Беспокойство, как ответ	42
В какой руке?	43
Отрывок из песни	46
С глазу на вдох	47
Жизнь или пасть	49
Где нет тебя	51

Опоздавший на поезд	54
Озаглавить из бездн	56
Образованная весна	58
Победитель снов	59
Новый снег	60
Старая жизнь	61
Жизнь без идей	63
Изнанка бесконечности	65
Законченный холоп	67
Оступился и ждёшь	68
Отстранило солнце рай	69
Гордый не болит	71
Полипингвин	73
Бородатое детство	75
Застенчивый зануда	76
Кровь не ищет выход	78
Искал ушедший путь	80
Над каменным утёсом	81
Вишнёвый замок из песка	83
Прошли и потеряли совесть	85
Подслушанный век	87
Странные часы	89
Оторвись, где белеет слеза	90
Заголовок из праха города	92
Прожитым не оставил цены	94
Не образумил лань веков	96

Без обрывка на судьбу	98
Добавь внутренней свободы	100
Чёртов день и милая игра	102
Посторонний ходит в голове	104
Городской сумасшедший	106
Субъективная строчка в себе	108
Не желаешь видеть смерть	110
Дорога в никуда	112
Следы безголового счастья	114
Произведение в запущенной душе	116
Не отделяя смыслом тени	118
Привет надеждам Севера	120
Маленький холм на холсте	122
Изображён на небе голосок	124
Невидимый сон	126
На одной Неве	128
Не беги, от которого ждёшь	130
Старая культура	132
Пропусти под водой	134
Смятение во тьме	136
Сахалинский дождь	138
Висельный номер скитальца	140
Когда Луна покрывает Землю	143
Одну имея правду	145
Открываешь телефонный путь	147
Главное, чтобы не ты	149

Разоблачитель в сердце	151
Близко на шаг	154
Не жалея свою смерть	156
Куртизанский подвал	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Анна Атталъ-Бушуева
Остановка во мне –
доказательством просит

Пролог:

Остановка во мне как прямая наверх из конечного шага бессмертия, что удалённо носит форму выделенной ловкости и

сердца в жизни. Остановлен ли шаг внутри – он будет теперь

доказательством присутствия в этой любви. Опять за часом

будничного, склочного молчания ты остановился и напряг мускулы

на тонком лице. Из него вышли четыре рассказа о ложном восприятии мира и также ловко согнули по периметру всё своё

снисхождение ко мне. Ты направил свой взгляд и еле движимым

осознанием радости – предоставил мне тень, чтобы улыбаться. Над

твоей ли остановкой войны или внутри культуры самолюбования – я

буду всегда соприкасаться с чернотой внутреннего эгоизма. И тогда,

листая прошлогодние формы тоски по мысли – искать в тебе новые

очертания любви по одной и той же параллели счастья.
Начиная
рассказывать о своём прошлом ты не торопишься вычлени-
вать главное, но
думаешь, что сегодня самый подходящий для этого день.
Как
будто серьёзность ушла на перерыв и тонкими чертами
твоего лица
ищет выдумку, как бы обойти сложности в объяснении
своей вины.

Над историческим расположением социальной свободы
возвышался кран и он любовал миру только своё косно-
язычное
зрелище, а потом опускал железный капкан на дно суеве-
рий жизни.
Там скопились мы и очень жаловались сегодня, что не хо-
тим видеть
черноту из предрассудка жалости в себе. Но сердце как
всегда
скользило по башенному крану с обожанием и требовало
новой
пищи для цинизма. Так опуская раз за разом свой желез-
ный намёк
на тонкое чувство юмора – ты дошёл до самого кипения.
А потом

остановился и стал необычайно прост, как деревенский парубок из многочисленной формы доспехов мира. Как изысканный соблазнитель в чутье французского образа коммивояжёра. За

которым последуют многочисленные стихии и небо в при-
датке

символизма власти только лишь скажет, что жизнь ещё не кончена.

Также и ты не закончил свой разговор и прощупал много новых тем, но

цинизм остановить не так то просто и выключить свет под косноязычным темпом любви – ещё труднее. Этот железный кран

внутри скопил много суеверий и стал тебе воинствующим мемом на

пути самого страшного рассудка мира. А остановка в твоих глазах

требовала бы ещё большего отсутствия для гражданской совести

быть настоящим человеком.

Пока ты любовал свой милый сувенир на памяти разного стиля

общения – то вокруг скопилось много людей и один из них громко

провозгласил: «Когда же будет шоу? В каком часу собираться на подданное представление ужаса и где ваш секрет, в котором вы стали номер один на планете?» Но затем последовала тишина и мелкие капли дождя обагрили сонное царство теней, над которым мы и стояли. Жив до буквально старого и страшного света, где-то между тысячным поколением ужасов на социальной платформе вымышленной сказки о предосудительности гиблого мира. О том, как можно его покорить, сделав только одну остановку на вымышленной гордости быть славным и удачливым человеком. Настолько удачливым, что только после неё все вокруг замирают и дышат, как и культурные коды внутри благородной причины стать живым. Ещё более живым, чем некогда отошло от суеверных призраков во внутреннем измерении счастья на планете. И только тогда этот башенный кран не сбивает свои тщетные цели

на пути

облагораживания мысленных аксиом общества. Он дышит, как

будто его движение сливается с человеческой волей и ищет кого бы

поднять на небо и вытащить из страшной рутины себялюбия в

затаённой тенью мира пустоте.

Не рыба по любви

Одна осталась плыть внутри -
Не рыба и не мысли по любви,
Исчадие под тонкой формой век,
Где ходишь неприкаянной игрой..
Ты поднял свой обрывок на любви,
Удачу слов на рыбьей стороне,
Но чешуя не ставит мыслью и одна
Ты продолжаешь плавать в глубине..
Нечётный ряд о буйвола в тебе -
Не красит ад, он вынул этот свет,
А рыба в том – текущая под век
Иллюзия быть формой по любви..
Ей нужен ты, но волей человек
Не страшен сам – он видит по уму,
Когда под чешуёй ты веришь там,
Как ложно останавливал игру..
Не плыть ли ей по водной колее,
Не быть ли правом в истине ума,
Она одна уходит к глубине
И там не рыба по любви – на мне..

Отгадай откуда тень?

Видит в ясном целый день
Зов полуденного слова,
Пишет истины нам в грудь,
Чтоб искусством их согнуть
И упасть под слов надмение
На того, кто жил уже
В этом теле привидением
За особенной игрой..
Отгадай откуда твой
Век в искусстве гордой стати,
Он на ряд стоит и ждёт,
Чтоб ты в ком ему хранил
Эту сущность в тени слов
Над застенчивой улыбкой,
Еле слышной и не зыбкой
От фортуны в сто шагов..
Им идут по склону мира
В грудь расти – основы лиц,
У людей, к которым мило
Ты смотрел на веке слов..
В целом ясный, в том – один,
Над гордыней счастья в пеплах

Ты проходишь, где и тень
В грудь твою откроет мир..

Прибывший изнутри..

Заземлил путеводный расчёт
И сказал от какого лица
Ждёшь своей интересом писца -
Мимолётной истории в срок,
А под небылью ищет узор
Неприемлемый истины вид,
Что откроет свой формы гранит
По земле, от которой ушёл..
Пребывая над смелой толпой,
Расправляешь ей разом под сны
Растопившие стены искать -
Эту пустошь под образом мира..
А над маской идёт изнутри
Не отбеленный образ войны,
Он трагедия в личности нам
И обычная к сердцу иголка..
Ждёт проблемы и память внутри,
Чтоб достал ты ей сон и покой,
Изводил бы иллюзий надзор
По строению мысли в лице..
Потеряешь ей памяти срок,
А над обществом мило стоит -

Эта пустошь под робостью строк
И смотря изнутри – заземляет лицо..

В очередное время посмотри

Московским шумом глав
Ты ценишь этот век,
Что видишь первый раз
На умственном конце
Систем от смерти в нас
И в слово от других -
Ты выбираешь время,
Что видишь первый миг.
Хранишь ему обет,
А сердце в славе ждёт,
Что сном любовь твоя
Не тронет слову лёд,
Бежишь, а рока нет,
Он стал в московской тьме
Иллюзией под формой,
Знакомой только мне.
Опал внутри, как лист
И в точности им взят
Над модой: свет и мир,
Он видит в первый раз
Свой миг внутри тоски
В постигнутом раю,

В котором стал вести
Ты мысль московских благ.
Ответил в это время
И посмотрел не так
Фактурный образ сил,
Он стал тебя вести
По духу в каждой тьме,
Чтоб видеть снова рок
Знакомой формы в нас,
Над временем у срока.
Над небом посмотри,
Там смелый спит фонарь,
Он выбирает шум
В тоске от этих ран,
В московской суете
Изнеженной, как трость,
Под дождиком ума,
Высидившая пропасть.

Не знать до тебя..

Чтоб люди не знали какою порой
Ты вышел от счастья по этой заре,
Чтоб тени от общества в целом одни
Не стали твоей унесённой игрой,
Но новому смыслу – сложно вели
Тягучие ветви по рыхлой земле
И чёрной основой сегодня могли
Отнять состояние смерти для нас.
Не знать от какой ты ушёл – до любви
Истории моды и жить под игрой,
Внутри у которой ты тоже – не свой,
А зная сердца – не умеешь сражаться.
Как истина смотришь, не зная меня,
Что рыхлой земле до того не нужны
Внутри одинокие дни – тополя
И смелости формы от роли души.
Не зная тебя – не ушли эти дни,
Они не пропали сквозь миф и обрыв,
Что также не знает остаточный крик,
Внутри от которого – был бы ты близ..

Мастер трагедий

Не угадал, что шёл назад,
Не зная сам куда глаза
Заходят в искорке любви
И перед ней – свободы мир
Не говорит о той мечте
Внутри трагедии о стих,
Он проведёт в её звезде -
Конечный номер о беду.
Где был тот мастер на Земле,
Где охранял свободу лиц,
Пока трагедия из слов
Не поняла, кто этот мир
Над нами держит по себе,
В сердцах приличествуя им,
То слову видимой длины,
То обещанием им быть.
Ты мастер сам и этим ты
Сложил свой воздух по уму,
Ты дух трагедии под стиль
Ведёшь искусством потому,
Что сам над мастью – ты постиг
Свою иллюзию, что жизнь,

Её возьми за этот мрак
И через время в этот стих.

Не покинутый дух

За оконной манерой спеша
Воздыхает тот дух, как душа,
Притворяясь оскоминой лет
И наитием совести блага.
Что не день – обрывает себе
Не покинутый образ любви
И идёт через смерть о шаги
Не покинутой смелости в нас.
Что же сделать на этой душе,
По которой не стало огнём
Проходить пробуждение сил
По духовному имени лет?
А потом, открывая её
Не покинутый дождь – силуэт
Ты идёшь, как и время в окно
Не задвинутой шторы из бед.
Там огни покидают дома
Не заношенной формы свечи,
А благие уходят года
В непроявленный света манер.
Он не думает в жизни о нас,
Не покинет ту участь души

На духовном конце, словно глаз
Откровения в сердце из лжи.

Честный этому рад

Был бы под парусом клад,
Чтоб его мысль сгоряча
Таяла в черепе честно,
Этим желая понять
Тонкий намёк на себе,
Сердце из мысли о лад,
Был бы ты этому рад
В теле под честный восторг.
Этому видит восток
Чаяние смелости в нас,
Ждёт свой манер и приток
Чести о чудо из фраз.
Черепом смысла беру
Эту возникшую страсть,
Вольностью боли иду
К сердцу от каждого в нас,
Чтобы сиял тот восток
К личности просьбы о свет,
Клада над ревностью лет
В пройденной слову душе.

Философский почерк – ответ

Без измены и дерзости нет,
Разгоняя безумно года,
Что утонут внутри человека,
Там застыв о приемлемый вес,
Чтобы жизнь не была без тебя,
Как минорное тело поэта,
Как желание сказанных лет,
В постижении долга искать -
Эту осень и письма в ответ,
Посылая от смерти внутри -
Сам не видишь судьбы силуэт,
О который ты пишешь в себе
Философии сложный поэт
Над порядком из сердца души,
Над утопией следа понять
Исторический памятник в нас.
Но без этого вдоха у жизни
Ты не ищешь сам путь, по себе,
Не узнаешь у входа портрет
И поэтому смерти в ответ.
Словно почерк ожил на тебе,
Он напишет сегодня окно,

Для кого дорогое оно,
А кому неприглядно в ответ
Разделяет сумбурные дни,
Расправляя свой мести оскал,
Где бы воздух на свете не стал
Этим почерком страсти в тебе.
Над поэтом застыла печать
Предстоящей фигуры из лет,
Для поэта сегодня молчать
Предсказуемо в теле души.
Он не станет искать силуэт,
От которого смыслом ты сам -
Не снимаешь той частью души
Эту область искусства для нас.
Философией смотришь, что жив
Над поэзией странный о сон,
Предстоящий момент, словно жизнь
У поэта в прелюдии он.

Устаревшее правило смерти

Не бежит от истерики право,
Не крадётся под степью могил
Этим утром, как знак и расправа
Понимать утомлённый мотив.
Он не стал устаревшее право
Поднимать от застроенных стен,
Где бы думали смертью одни
Бестелесные сущности мира.
Не отправил за смертью его
Сохранённый остаток ума -
В это утро, предельно за ним
Понимая свой видимый мир.
Дождаясь от правила ада
Сон ответа, под смертью храним -
Многолетние поступы завтра
И мечтаем не стать этим миром.
Где вампир негодует и сам
Отнимает свой шаг для ума,
Он внезапно диктует слова,
По которым мы смертью храним
Эту муку, чтоб жить на Земле,
Эту совесть, чтоб в страхе её

Остывало смущением стиля
Непокорное право за сном.
Понимая суть воли – идёшь
И смотря на вампира – ты сам
Поднимаешь у права свой шаг,
Занимая от смысла мотив.
Он – готовый от вечности там,
Не природный ответ и за ним
Мы тоскуем от смерти внутри
Бестелесного общества сил.

Не обижай меня в тени..

Поскольку дышишь в глубине
И там над роскошью видны -
Твои глаза напротив – мне,
Ты пал, что сердце на тени,
Не обижая эти дни
И в них меня от этих лет,
Придумывая свой портрет
От риска по одной руке.
Лежала риска на тени,
Её глазам ты видел бег,
Он отложил свои мечты,
Проняв культуру и цветы.
Их сам сегодня возложил
На опыт мира, чтобы жить
И этим тенью на себе -
Ты отвечаешь в эту жизнь.
Не обижай меня в тени,
На что сложили слёз глаза
Последние основы дней,
Им так стрекочет за мечты
Свобода думать и парить
В сердцах над мыслью о тебе,

Где ты идёшь в тени ума,
А твой философ это мы.

Числится в уме

Гневный ком на мне
Числится при жизни,
Словно он не раб,
А понятный враг.
Держит суть вещей
В ощущении жизни,
Пришлой ли, но там
Числится при мне.
Я б его взяла
Внутри прямой причины,
Съела в ком пера,
Спела в мысль свою,
То к чему вчера
Я была едина -
Стало внутри искать
Ком былой тоски.
Им не числит гнев
Постигая смелость
Длинный ход из лет
И от тех гласит,
Что пронял бы сам
Эту боли зрелость

И почти, что раб -
В небо улетел.
На одном краю
Стали жить от неба
Эти мысли в такт
Смелости под ней,
Но не числит враг
Эту боль из пепла,
Он прожил свой век
И уходит в том
Думать в глубине,
Постигая том
Этой формы глаз
В верности от слов.
Сердцу живы там
Гнев и личный мир,
Им ты числишь век
Прошлый – по губам.

Русская ловушка

Миром пройден давно
Экзальтации бег,
Он, что берег крутой
По наивности ветра,
Не спешит отдавать
Свой простительный вой
На душе от тоски,
Чтобы русское видеть -
Это поле из звёзд
В постижении жизни,
Эту роскошь под ним
В бесконечном движении,
Чтобы думали вдаль
О душе под изгоев
На ловушке из мифа
Этой роскошью стать.
Или страстью понять
Идеальные зори,
Их могучие стены
Погружения в море,
На предгорье из слов,
Над остаточной болью

Видеть русскую жизнь
В этом мире без горя.
В этой форме из звёзд,
Где нет смысла в примете,
Где от русской души
Утончённо бежит
Остывающий шар
Без иллюзии в ветре,
Он ловушка из глаз,
Чтобы думать о них.

Пульс одиночества

Ценность из старой души
Спела свой свет о себе,
Частью за пульсом спешит
Этот уставший сюжет.
Краской кровавой дрожит,
Чтоб в одинокой игре
Видеть таинственный свет
Перед доказанной ношей.
Эту ли участь любви -
Ты так хотел, словно жизнь
Стала твоей о печать
Смысла, в которой кричать
Нет идиомы о смерти,
Нет для того, кто хранит
Красный отрывок портрета
Между покорностью лет?
Пульс одиночества мнит
Эту свободную смерть,
Лишь за того, кто хранит
Смелостью личную карму.
Пульс одиночества в миг
Стал и твоей красотой,

Может от этого сник,
Внутри опираясь тоской.
Этой ли в смерти на крик,
Что непокорна нам в мире,
Этой ли в важности быть -
Совестью в страхе любви?

Ни минуты на раздумье..

В этом году идеального счастья
В воздух взлетели, как крылья мои
Новые горы и этим осталось
Им покорять до Земли -
Старые стены у свода могилы,
Где из-за слов социальных – не твой
Мир, ни минуты не видит остывший
Формы гранит и на этом не дышит
Он – ни минуты от боли.
Эти раздумья придумали души,
В нас раскопали умеренный шаг,
Что из закрытой у вольности суши -
Ты объясняешь, как враг.
Стен измерение ищешь привычкой,
Стала твоя непокорность играть
В возрасте смелом и этой отмычкой -
Тело своё запираешь.
Нет ни минуты в раздумьях слепого
Утра, и в этом ты сам -
Стал иллюзорной причиной немого
Общего смысла – нутром запираешь.
Смелостью видишь опавшие листья

В нас, как законные стены опять,
Но из нутра ты не дышишь от личной
Времени пользы – под старость.
Нет ни минуты от этого взять
Сложный портрет от души,
Став над свободой той областью, или
Временем в пасти народа – спешить.

Присутствуя в малой прозе

Он огнём пропитан в ссоре,
Между памятью хранит
Свой системы луч на море,
Свой агонии магнит.
Потому ты жив о прошлом,
Потому не смята в нас -
Эта мысль и ей непрошены
Мы остались думать так.
Чтоб хранить свои секреты
Над водой их меч держать,
Над историей портрета
Через истину под страсть.
А тогда ли жив ты сам
В малой прозе между нами
И отчётливой рукой -
Ей уносишь это пламя?
Межу словом и мечтой,
Чтоб хранить морское племя
И отнюдь его в ничто
Превращать от этих лет.
Где бы стал ты, как поэт
Представлять её столетием,

Может думать и читать
От руки на малой прозе?
Ты присутствуешь, что жив
На одних глазах сквозь имя,
Понимая, что дожил
Этим утром под водой.
Чтобы думая – считать
Это утреннее племя
По истории в расчёт
Малой прозы между нас.

Беспокойство, как ответ

Нет мрачной тоски у тебя
Близ сердца за словом Москвы,
Но ищет в предчувствии зла -
Твой мир одинаковый смысл.
Чтоб им понимать эту боль
Над вечностью спелой тоски,
Где солнце восходит на твой
Ответ – постоять под Москвой.
Ей видя свой свет – силуэт
И небо внутри от игры
Близ сердца, в котором ответ
Не стал той критичностью слов,
А выслушав новому дню -
Он ищет свой остров – мотив
Для частого поля любви
Внутри беспокойства о боль.
Ей словом не держишь пароль,
Не знаешь, что смыты огни
За новой историей роли
Под формой от света Москвы.

В какой руке?

Шелохнул в руке
Свод печали нам,
Нет прошедшим дням
Этой пустоты,
Чтобы думать там
О ночной и личной
Непоседе критики
За твоим окном.
Следом берега
Соотносят стиль
От открытых ран
Между повседневной
Сторицей от лет,
Где уж рая нет,
Но проходит ночь
Берегом осенним.
На какой руке
Ей печалит день -
Собранную тень
И относит умыслом
Странная молва,
Чтобы быть сперва

Этим днём мечты
В переходе времени?
Жалко, что прошло,
Созданное им
За мечтой под дым
Остановки в темени,
Где бы не ходил
Твой полёт ума -
Странная молва
Разгоняет время им.
Ты простил ему
Руку в небе стаи,
Сердце близ любви
И одним из лет -
Будешь свод хранить
В облачном забвении,
Где отсчёту свят -
Этот путь из звёзд.
Проходя в руке -
Держишь слову имени
Сердце в личном лет
И за ним портрет -
Стал твоей главой
Нового прозрения
Личности от гения
Над твоей рукой..

Отрывок из песни

Не спишь от прямой суеты,
Где день поднимает своё
Отрывком под загнанный им
Желания истины сон.
Не требует стать по уму
Тем именем воли из грёз,
А только напеть потому,
Что стал он прямому – вопрос.
А смелому чудится рябь
Из смерти в отрывке судьбы,
Где будут сегодня срывать
Иллюзии сердца те сны.
Они помогают хранить
Потерянный космос над нами,
Но время не терпит обид,
А только пророчит словам.
Их рябь из отрывка бежит
И строчкой не стала твоя -
Последняя песня под миг,
Где сам ты отрывок – гранит.

С глазу на вдох

Выбирает из плана тоски
Необычный сюжет для двоих
Постоянное света песка,
От чего та тоска не видна,
Проплывает на медленный штрих,
Обнимает руки идеал
И потонет в участии нам,
Как бы с глазу на вдохе любви.
По которому мы говорим,
Отвечаем и что – то молчим,
Постигая увечность в глазах
И потерянный возрасту страх,
Этим утром бывшего идёт
Твой обнявший портрет от ума,
Он нам с глаз опыляет сердца
И с лица простирает любовь.
Достоверному вдоху нужны
Эти пыли распутные сны,
Чтобы лучше ты был от ума
И по глазу им видела память
Расхищение подлинной тьмы,
Где не стало ей общим – иметь

Эту волю от глаза смотреть,
И вдыхая искать по любви.

Жизнь или пасть

Открывая сюжетный мотив
Улетает потерянный лёд,
Открывает разинув окно
Свой понятный риторике ад.
Этим утром не плыли назад
Осторожные неба глаза,
А над чёрной прелюдией стыл
Приручённый заранее стыд.
Замечает в устройстве его
Запредельное общество нам,
Не летает, но видит окно
На Земле исторических ран,
Открывая затерянный путь,
Чтобы ночью в потере молчать
И над этой печатью иметь
Исторический облик летать.
Он не думает пастью, сложив
Поколение сложности жить,
Он не ищет проворный, открыв
Монолит и за этим ответ.
На дороге из песни стоит,
Приравнявшись под казусом сна -

Эта вечная воле весна,
Что над пропастью света болит.
Не стыдит за рукой – по себе,
Не ведёт эту пасти войну,
На неё лишь посмотрит ответ
И найдёт безысходности тьму,
За которой не стало лица
От ничейного общества глаз
И над жизнью обводит – с плеча
Ускорение медленных фраз.
Не бывает им жизни, звеня,
Как в той песне, обратно меня,
Не стащил в монолитный оскал
Эту жизнь, по которой искал.

Где нет тебя

Готовый номер в явь
Не смотрит на тебя,
Не жалит и летит
Осой под этот стих.
Ты ищешь им ответ,
Ты спрашиваешь сам -
В который год примет
Почудилось от ран,
Что степи нам немы,
Что жив тлетворный ад
И где – то воют псы,
Смотря им вслед – назад.
В котором сне от тьмы,
Что спета для тебя
Внутри своей главы,
Где не было ей слов.
Где не было тебя
Опали маски слёз,
Им вынули тех ос
За островом души,
Поднялись смертью лишь,
Под участью дрожа,

Что стали им манить
Другое для тебя
В идиллии души,
Где нет порока лиц,
Но мыслью не спешили
Отставить крылья мифа
За разные года,
В которых нет уже
Твоей цены за нас
И после – этих глаз.
Им не смотря – пиши
По образу души,
Им думай, что ожил
Под вечером мотив,
Но где просил не ты
Там верно – не твоим
Уже прочли слова
И форму света мира.
Что думать, чтобы жить
За этим по умам,
Как заново хранить
Искусство в теле нам?
Но в праве ли года
Тот слог огня и мир
Вращать вокруг тебя
И снова в том ожить?

Где не было тебя,
Не пели слов почти -
Скопления зеркал
И ими шли года,
Но пустошь ту создал -
Ты в роскоши души,
А новый день ожить -
Ты приготовил нам.

Опоздавший на поезд

Не кричи и не вой
Опоздавший конвой
Между ясностью лет
И прямой укоризной.
Ты стоишь, что года
За надмением слов,
Потерявших свой ад
Сквозь другое окно.
Проверяешь не их
Истощение в днях,
Как бы думая в стих,
Что не любишь меня,
Но не поездом тьмы
Ты свой рог опалил
За несносной игрой
Под другое окно.
Не спросив кто такой
Эта пустошь и явь -
Ты не ищешь, молясь
Отторжение слов.
Все они пронеслись
От начала вины

И на этом видны
След пути и надмения.
Словно поезд в руках
Шёл под маской, свища
От пародии лет
Для другого приличия.
Этим ужасом мы
Не искали тот ад,
Он на крики и вой
Опоздал за судьбой,
Опустил этот мир
После слова внутри,
Им бы звуком хранить
Чёрный след вдалеке.
Но и эта печать
Не лежит на руке,
Но отчаянно взять
Ты бы смог эту жизнь.

Озаглавить из бездн

Проплывая не дышишь
Над трёхкратным мечом,
Этой боли не слышишь,
Но и думаешь в правом
Расстоянии слов -
Между малой судьбой
И извилиной самой
Некрасивой толпы.
Ты не ждал этот шанс
В расстоянии длинном,
В размышлении сильном
И под дрожью смещал
Оружейные вехи
Из под атома мира,
Чтобы чувству от смерти
Не таилось в ту спесь -
Различение сильных
Привилегий от жизни
В построении слова,
Словно бездна и страх.
Озаглавишь капризы,
Обустроишь их тени,

Где проворному ворону
Несмышлёный, как путь -
Ты стоял, что и бездна
На одном поколении,
Этим видел затмение
В чёрной роскоши звёзд.

Образованная весна

Ты не чаруешь видом сна,
Ты шепчешь свой прохлады уголок,
Считая мифом тонкие черты
Вокруг лица, по личному уму.
Чтоб думать образованной красой,
Любить свою историю у слов
Над вечностью весны и этим жить,
Забрав свою образчика любовь.
В который год – не знают о тебе,
Ты век образовала, вслед за мной,
А страх в прелюдии – качает головой
И смертью тонет в мире – от любви.
Не знает только слову – человек
Твой образ силы мира и черты,
Что стали явным правилом и в том
Узнали суть творения – внутри.

Победитель снов

Увенчан медной впадиной ума,
Вокруг тебя – неявный свет лежит,
Ты думаешь, что ветер дорожит
Над сном молниеносного в сердцах.
Но эта жизнь, как большая звезда -
В тебе одном над мужеством – лежит
И форму ей ты держишь, что почёт
Внутри, как испытания родник.
Ты побеждаешь личностью ума
Свою систему странного безумия,
А прах, что гложет истину у сна
Не правит телом в мире, побеждая.
Что лучше быть – утерянным вокруг
Или искать моральный жизни эпилог,
Чтоб сном ты мог за истину – помочь
Строению причинной боли – жить?
Ища свой странный эхо уголок
В причине жизни, сказанного нам,
Что ходишь ты по снам и этим смог -
Изжить потерю странного ума.

Новый снег

Не пропадает и не ждёт один -
Тот новый снег на выветренном сне,
Подснежник ловко в руку создаёт,
Чтоб думать личной повестью её.
Несчастье верит смыслам о тебе,
Но новый снег, наверное не твой
Он будущий источник этих лет
В космической скульптуре городской.
Щадит людей и тени создаёт,
Над ним бежит ступенчатая драма,
А словом для общения зовёт
Его мотив – обдумать этот день.
Белеет в том снегу одна мечта,
Она застыла полю от обратного,
Внушая день до утренней тоски
Между свободой испытания и сном.
Весной ли те цветут подснежники,
Их форма боли – отражает рай
Под сложным духом имени весны
И смелостью прочитанного утра.

Старая жизнь

Где нет тебя – наступит день,
Где падал ложью волк в уме -
Он думает, что старый путь
Лишь пряный жалости магнит.
Манит тебя одна звезда,
Её глаза красивей всех,
А веки – схожие как стать
В безукоризненной от всех
Кармической примете жить
Над эталоном новых лет,
Но думать прошлым, дорожить,
Что будет лучше им иметь -
Причину жизни без тебя
От этой яви на сердцах
И горделивой красоте
Вокруг увенчанного страха.
Но старость движет бытие,
Довлеет путь её в руках,
Харизма ищет сон во сне
И добрый путник ей – дурак,
Исчез в полуденном огне,
Как сон из прошлого из вне,

Не изменяя сущность прав,
В которых ты не старый раб,
А просто волк в своей игре,
Задумчивой, пугливой тьме
И между счастьем и концом -
Ты знаешь эту роскошь мне,
Что необъятная искра
Произношения нам в стиль
Понятной воли от пера
И детектива в старом сне.

Жизнь без идей

Пока летит под уровнем мечты
Багровый шар для мелкого распутства,
Ты ждёшь обводный стиль у бытия
И миром жизни повторяешь день.
Белели скалы странного безумства,
Они казались нужными в аду
Немым и плохо спящим от чудес,
Пространственным изгоям без идей.
Мучительное право верит здесь,
Как будто бы ты жил у стен молитвы,
А ночью эти стены были сбиты
И сам ты стал наивностью своей.
Всё ищешь дух идеи за гробом,
Могучим телом держишь этот дух,
Но сам не зная будет ли потом -
Причину познаёшь об этом мире.
Титан над уровнем мечты в багровом сне,
Изучишь ты свой прелести источник
И точно сам пророчествуешь мне -
Свой остановишь шаг внутри идеи.
Где человеком стал ты – дотемна,
Желая понимать искусство мира

Всё в том же веке мучимого сна,
В котором стыло зверем на заре.

Изнанка бесконечности

Ведёт витиеватый и тугой
Новатор чуда в мире на себе -
Свободу лишней смелости, чтоб жить
Изнанкой формы на её глазах.
Готовит путь по авторской среде
На бесконечность сложенного в ряд
Причин – не видеть сложность на себе,
Внутри её укладывая в свет.
Где век конечен в образе людей -
Он дух приводит к смелости и ждёт,
Над ним парит искусство на глазах,
А бесконечность – слаженная в нас
Не знает философский центр души,
Не видит цели к памяти – вокруг,
Но ровный свод проблемы, словно друг
Парит над безысходностью твоей.
Изнанкой встретит формула истца -
Такую бесконечность, чтобы жить,
Такие формы странные глаза
Над верхом чувства смелостью идти.
Забыл тот автор небо указать
Над прошлым миром прежнего ума,

Он сам сплотил ту часть души – опять,
Но смотрит чувством замертво – от зла.
Им бесконечность движет малую тоску,
Приличествует вехам от людей,
Но бесконечен круг застенчивых идей
И мал под сферой общества души.

Законченный холоп

За ветвью бересты – поёт сирень,
Виляет стих под маетное утро,
Холоп берёт над мудростью игру,
Где там он будет – думать в пустоте.
Вести законный глупости – поток
Под слов великолепие внутри,
А там, закончив сложенный урок
Пребудет грозно душу понимать,
Ей видеть мир и этим – удивлять
Людей от бесконечного пространства.

Оступился и ждёшь

Не трудный день, но общего беда
Застигла номер справа от любви,
Под смертью было тело и вода,
Что холод становил ему под род.
Не знает в малой пустоши тогда,
Где ты хоронишь счастье под его
Остатком формы света и добра,
Имея жизни маленький намёк.
Ты оступился в этой моде – навсегда,
Застрял между идейной мостовой,
Куда – то шедшей в прошлое за твой
Моральный облик мании в себе.
Нелишним стало общество, а стать
Утратила твой мир и благодать,
Но воля к праву телится займы
И ты её берёшь из этой тьмы.
Где тело видно в принципе себе,
Беде ли в точном казусе на утро,
Но там оставив мыслью на воде -
Ты век находишь в ожидании чувства.

Отстранило солнце рай

Неведомо уходит мелкий час,
Таща с собой сомнение и скуку,
Он ждёт природу бытия для нас,
Что жизни шанс – не удасть и игра.
Ты пожинаешь собственную форму
От рая социальной красоты,
В её прелюдии и холод мира – ты
Обратно явью сам расположил.
Забыть не может солнце от того,
Что рай не отличался этим миром
От сумерек рассказанных им снам,
Придирчивых и мелких на благах -
Примерах человеческого счастья,
В том видя склеп и рожь пути ума,
Но солнце светит малому не в том,
Что чувство пролагать за этот рай.
Оно сегодня отстранило слог
Над бездорожьем мира воли и беды,
А человеку стало подлостью внутри
Не слышно связи мысли над судьбой.
Исчез источник малой пустоты,
В которой слышно обществом на утро,

Как ты не стал ему тащить и ждать
Печальный рай от верности твоей.

Гордый не болит

Вытянут в свой страх и не идёт
Гордый боли видимый рассвет,
Знает ролью общества восторг,
Видит мель и это познаёт.
Что ни день, над пришлым светом им
Сверлит гордый пафос над умом -
Душу в постоянстве от мотива,
Данного к любви закона в нём.
Может жизнью сложен человек,
Страх им виден гордо на лице,
Но не серой пищей он идёт
По асфальту мудрости к любви.
Словно не болит им спесь идей
Жить в той вере пошлости вокруг,
Зная историчность от людей
В маске счастья сложной красоты.
Ты выходишь с правом на Неву,
Лишь стоишь и ветер по руке
Шелестит под свод твоих недугов,
Зная боли верную мишень.
Встретит старость эта былина
В боли ли, над участью внутри,

Но на этом свете видишь ты -
Гордый шаг по набережной света.

Полипингвин

Умножь во сне идеи красоту,
Заложенную в обществе на ту
Систему жизни права и людей,
Где воет на пингвина этот мир..
Он долго ждёт и машет сам рукой
Пингвиньей формы юности на мне,
Но знать не хочет времени покой,
Что им же обернулся в красоте..
Где счастье поли сложенной судьбы
Не угнетает робу смелости в глазах,
Там ждёт пингвин свой мира на Земле
Покорный, чёрный идеала страх..
Он может верить часу и молить
На воле каждой цепи в глубине,
Но видно мне пингвиний час и снег
На остановке счёта смелости в уме..
Бежит та форма линии иной
Пингвиньей красоты и тела слов,
Но ужас мира верит в идеал,
Он будущему смелостью готов
Держать пингвиний возраст на глазах,
Под сердцем страха музыки из лет,

Им поли мир искупит свой секрет,
Продав фигуры вольности глухой..
В пингвиньей стае вертится гнедой,
Он смотрит вверх, а музыка ему -
Обратно в сущность формы красоты
Пингвиньей участи – иметь свою любовь..

Бородатое детство

Могучий памятник и ровное кольцо
Уносят по Москве на эту даль,
Шоссе не видит ветер на лице,
А шарф съезжает в вымысел, учась,
Что жизни нет на этом берегу,
На том и сном могучего изыска -
Ты тянешь дрожь в опустошении любви,
Как вечности сюжет природы риска.
Опять застыло детство во дворе,
Истаял снег весною неразрывно,
Но будет он, как память и опять
Ты ждёшь секунды отчеству – в кольцо.
Оно развинчено по ревности уму,
Нанизано за блажь среды игры,
Там было время, были молодцы
Тупые стены мира от невзгод.
А прав был добрый ветер и восход
Культуры слова в отчестве ревнивом,
Он сам не понял как – устал от нас
И ветер положил в зарочный час
Москвы, над обещанием им верить.

Застенчивый зануда

Тебе не идёт борода, как же быть,
Ты мил, но история пишет умом
В противном ключе удивления им,
Таким же, как миром застенчивый день.
Не глядя заходит сквозь душу твою
Источник материи в имени – сам,
То руку протянет, то сердца виток
В застенчивой маске, разменно маня.
Что будет естественной прозой манить
Сегодня обратно ту душу – твою
По воле скульптурного образа стиля,
За сердцем которого, словно стоим.
Не ждём одинокой тоски от людей,
Не ищем зануд и тлетворный предел,
Где солнце не краше, чем совести дел
Пародия мира от тонкой души.
За ум проявляешь занудные дни,
Всё тянут они однозначное имя,
Туда, где не стал ты искать от любви
Замызганный день от устойчивой лени.
Меняет формальные нормы ума -
Застенчивость в казусе бороды слов,

А время всё ищет усы под засов
Твоих размышлений и позы Богов.

Кровь не ищет выход

Не может быть – ты был не прав,
Закрыл рукой проклятый рай,
А жажда смелостью таит
В руках таинственный гранит.
Он серый подлости двойник,
Судьбы запрошенный мотив
И смертью холодно грядёт
Его почтившее лицо.

Но кровь не ищет этот миг,
А просто капает из нас,
Направив этот угол глаз
Под сердцевину ста морей.
Чтоб жило слово – может быть,
Где ты не прав и этим быть
Не смог затерянный родник
В руках утраченного я.
Тем словом будем за рукой
Искать придирчивый гранит
И серой поступью идя -
Его вести от этих лиц,
Внутри оков, внутри меня
И после мнения за стилем,

Где огибают сердцем дня
Твои проклятия о выход.

Искал ушедший путь

Зелёной тенью манит глубина,
В садах видна проворная черта
За сновидением потерянного солнца,
Где виден час ушедшего в себе,
Где стал немым тот отрок по уму,
А жало сверлит памяти на нем,
Прихрамывая к чести за свободу.
Искал ушедший день и не нашёл,
Прочёл искусство подлого восторга
За смелостью опробовать мотив
Излюбленного совестью души.
Где манит глубина и пропоёт
Сегодня миру – долгая дорога
За этой ли мечтой её понять
Над словом личной имени борьбы?
Всё смело происходит у порога,
Ты стал искать потерянные годы,
Внушая части сердца за немым
Искусством мира – думать и любить..

Над каменным утёсом

Забрало покрывало на беду
Последнюю, обвисшую среду
Между особой благочинностью и слов,
Имея дух за трезвостью такой.
Судьбой ли видит этот человек,
Что жар исходит миру от прямого
Окаменевшего раздолья между строк,
Где виден счастья нервный уголок?
Он думает утёсом по другой
Прохладе имени в творении себя,
Лишь отзывает покрывало на беду
Им ищут стены новую свободу.
Уходит пища космосу над ним,
Вторгается иллюзия вокруг
Прибоя каменного века от науки
И слов пути на личности ему.
Настал типичный ритуал ума,
Он видит над утёсом сам дорогу,
Всё складывая обществом его
Прямые веки нежности гордыни.
Не этим словом в камень превратил
Ты сам игру и мнение в себе,

Что человек над ложью имени его
За камнем благочинной пустоты?

Вишнёвый замок из песка

Который день выходит из устоев,
Придумывает в городе за тенью
Вишнёвый замок, выученной боли
И сам оттуда смотрит подлецу
В раскрашенное жалостью, немое
И отличительное смыслом диалекта
Потустороннее начало перед веком
Внутри песка за мнением чудес.
Бегут те тени замкового рода,
Любви причины в вечности и рядом
Ты отвлекаешь свойство тем же миром,
Что смыло относительный расчёт
Идти по стенам общества немого
В вишнёвый путь катарсиса из притчи,
А заново искать оттуда мёртвый
Источник из песка причуды жизни.
Он не был словом замка о железе,
Вбирал свои оковы в страсти мира,
Но чудо ждал, что истина у прозы
И свет просторный обществу мотива.
Тебе ли жить под вечностью угрюмо
Песка в натужной пользе и пороке,

Но жизнь в вишнёвом имени пустила
Свой дух культуры в это бытия.
Стоял над замком утренний рассвет
И Землю понимал, как части рода,
Что видно в том пророчестве о сути
Вишнёвой маски от песка на утро.

Прошли и потеряли совесть

Гурьбой отложенной ведут
Свою свободу к цели мира
Одни и те же слов этюды,
Другого имени за склон
Души увиливать в поклон
И мерить вязкую трясину,
Как смерти каторгу по нам
Из глины созданных господ.
Желает стать покорной сну
Такая весть внутри мотива,
Но совесть ждёт её шагов
И окружает склоны нам,
Где миф, как вечности игра
Такая же картина мира
И точный возраст по другой
Системе совести в покое.
Не лучше жизни превозмочь
Крутой подъём фигуры стиля,
Но думать правилу внутри,
Как ты искал пути назад,
За этим шёл покойник мира
И сам тревожил смерти лад.

Он горд, что был оставлен нам
Над вечным именем, где лира
Причина совести из благ
Другой категоричности в глазах.

Подслушанный век

Не ходит, где объято
Превратное под стыд
Забывтое от права
И с нами говорит,
Что душу льёт годами,
Что лучшему отдать
Не хочет смерть и сами
Мы слушаем тот ад.
Подслушав мерный полдень
Не слов выходит звук,
А колокол над скромной
Претензией от мук,
Он страхом видел повод,
Чтоб нам поговорить
Над лучшим в этом мире
И этот долг хранить.
Искать его моральный,
Исчезнувший апломб,
Где слово в мерной дали
Не слушает свой тон,
А просто смотрит нами,
Как вечности звезда

И точный возраст смысла -
Ей сердца в том беда.

Странные часы

Вернули пользу часу от любви
Твои глаза и сразу посмотрели -
Назад, что делать обществом нельзя,
Вперёд и стали общему приметой..
Куда – то смотрит правый на себя,
А левый глаз отчётливо моргает,
Им мужество понять опять нельзя
И сон от этой сказки не играет
Внутри у странной миром головы,
Вдали творимой сущности за право,
Но стали мёртвой вечностью хранить
Досады дней – обыденное нравом.
Пустить не могут странные часы
По ходу жизни за чертой у сна,
А только видят новые огни
Во времени спонтанного ума..
Прочли свой ужас прямо на лице
И стали странной маской удивлять,
Что завтра жизнь, истоптанная вспять,
А ночью врозь на жалости причины..

Оторвись, где белеет слеза

Что не знает у пользы вода,
Тем не ищет приличие в тон
Аллегории автор в поклон,
Где за утром напишет мотив.
Там белеет слеза от часов
Современности нового дня,
Для того, чтобы помнить меня
И писать эту истину стиля.
Оторвись, где белеет слеза,
Не смотри историчностью глаз,
А за утром ты ищешь рассказ,
Где не пишут судьбой о тебе
Эти мужества новые дни,
Им не ищут потерю под мир -
Только ушлые правом, храня
Интересы забыть в том меня.
Что не знает у пользы вода,
То не ищет в обрывке у слов
Эта нежная пустошь – слеза,
А за ней историчностью слово.
Нам на память уложена рябь
Идиотского номера жить,

Чтобы думать о белом подряд
И над смертью любовь хоронить.
Ей не стал историчности миг,
Он почти за слезой обронил
Свой моральный уступки родник,
Чтобы думать от этого в тон.

Заголовок из праха города

Незначительный виден поклон
Между насыпью снега из звёзд,
Он почувствовал прахом имён,
Что одним из культуры храним.
Нет за ним истощения слёз,
Только падали сердцу огни,
Под которыми словом ты рос
И забыл эту вечность от силы.
Нет теперь возле праха следов
Безымянной в отличии ран -
Исторической нежности стран,
По которым ты смотришь на дождь.
Он прошёл от искусства внутри,
Утопил иллюзорностью нас
От обратного склона зари
Замечать этот город – рассказ.
Между вечностью встретит мотив
На конечном шоссе под умом
И напишет свой прах – объектив
На последнем плато между правом.
Где не стал ты искать эту дрожь
Оконечности малой Земли,

А нашёл этот прахом ума -
Исторический город от строк.
Заголовком не виден поклон
И нечаянный смерти оскал,
Здесь не умерло солнце от звёзд,
По которым ты бегаешь сам.
Только виден поклон у Невы
Между блеском скульптуры из звёзд,
Он прочёл эту истину в роли,
Что настала над прахом имён.

Прожитым не оставил цены

Видимый гнёт городской
Тянет над образом слов,
Может он видел покой
Утром под сенью веков?
Или направил свой стиль
Прошлой культуре из нас
На остановочный вал
Времени важности глав.
Пошлым его не пронять,
Прожитой верности в тон
Не оценить эту страсть -
Думать о счастье потом.
Словно в оценке хранить
Почву безвременья сна
И в отдалённой судьбе -
Видеть пустые глаза.
Почерком можно понять
Эту студёную жизнь
Водной причины под стиль
Слов городской чистоты.
Подлый не может унять,
Что не оставил цены

Времени в пошлости звёзд
Космосу к жизни займы.
Так неприглядна она,
Тает и в памяти строк
Снова уносит свой стыд
Подлому темени в рок.
Прошлой обидой под сны,
Манией пройденных лет,
Словно ты стал у весны
Этим прочтённым поэтом.

Не образумил лань веков

Ты обезумел в тех глазах,
Где видел искоса под спрос
Ментальный день и бытие
Догадки жить внутри оков.
Держа свой быстрый элемент
Души – за изгородью прав,
Но в том был светел нам и свят
Могильный образ под сюжет.
Ласкает ночью этот раб
Не образумившей игры -
Ментальный фокус за награду
И эту пошлость на глазах.
Как светел лани свод во тьме,
Её глаза бегут от прав,
А южный свет проходит в нас,
Лишь отражая яркость глав
В протухшей пошлости ума,
Во сне искусственно кривой -
Потери мира ото зла
И безызвестности немой.
Где были лани в снах глаза -
Такие близкие, что стиль

Искал её манеры права
И в этом упрощал свой вид.
Та лань веков застыла нам
Под образцом покорной тьмы
И где – то ищет спесь вину,
В которой истины видны.
Но безоглядна дрожь огня,
Он тронул весь земной манер,
Чтоб душу рушить от меня
И лань держать под эту тьму.
Её совет – простой слуга,
Не образумил здесь любовь,
Он просто вышел на бега,
Чтоб оживить искусство вновь.

Без обрывка на судьбу

Летает лист над очерком раската,
Бежит его фортуна для людей,
Как лучше жить из песенного такта,
А как смотреть на то в глаза людей.
Обыденное счастье разом правит,
Излит фортуны песенный мотив,
А ты воспрял иллюзией на праздник
И в том хранишь могущественный стыд.
Не обрывая ложную причину
Уносит мир под опустелой мглой
Потусторонний шёпот между льдиной
И рамкой счастья в жизни неземной.
Готовый образ для судьбы – противный,
Он сном мудрец, а наяву под стиль
Ты ждёшь его обыденное имя,
Чтоб говорить над памятью не им.
Пустое сожалея льются грозы
И вод спонтанный рупор над Невой
Обрыв свою свободу в это утро,
Он сам – соседний воздух неземной.
Всё ищет склад над огненной причиной,
Учась зажить в судьбе обрывком слов,

Но сложно обрывать судьбу из мира,
Когда ты жизнью в лучшем не готов.

Добавь внутренней свободы

Философский день не означает
Ложный правом ум и для него
Ты один свою свободу чаешь
На готовом мысе – под игру.
Ждал расценщик милое перо
Сломленного часа в жар судьбы,
Но его досада от борьбы -
Стала рабской ценностью назло.
Лишь терзает мир один из строк -
Милый день под мучимый восторг,
Ждёт свою свободу в жар тоски
И ведёт манеры в этой тьме.
Дом отчаян временем свобод,
Видит душ уступки и ведёт
Страх к восторгу собственной души
В час искусства этого народа.
Правом философской прозы льёт
Дух степенной мании пера
Над гордыней слёз и стен добра,
Чтобы лучше видеть этот мир.
Может там забыли слову зла
Форму лиц в искусственном аду,

За которым веки стали в ряд -
Обращать своей судьбе портрет?
Дышит правом снежный силуэт,
Он не знает зимний склон ночной,
Точно прошлый ветер из поэта -
Дует праву в личности по той -
Неприкрытой истине – нам в мир,
Неприглядной фразе для любви,
За того ты сам оставил им -
Эту осень в сердце слова мы.

Чёртов день и милая игра

Найден скорый вымысел пера,
Внутри рисует малой пустоте
День внутри, играючи для сна,
Ночь вокруг обыденности крыл.
Может сложен вечер на окне,
Стал неровно думать в стиле мне
Или авангард уснул впотьмах,
Движет веки призраку на страхе?
Ты ему ответь, что всё прошло,
Чёртов день исчез и с ним уют
Заново пропал в проклятье слуг,
За твоим оконным светом лиц.
Ускоритель мысли о него
Не смотрел в участии хранить
Путь обратный на земь, за кого
Ты оставил смертью эту птицу.
Чёртов день закончил мне намёк,
Выручил спонтанное в игре,
Став той милой притчей на крыле
Роли слова – в образе руин.
День не сношен в памяти в себе,
Сердце ноет к пришлому вокруг,

Чёртов день закончен, что и век,
На котором дышит в эту тьму.

Посторонний ходит в голове

Налегке спонтанно отпустил
Рукоять прелюдии о славу,
Чтоб умом её искусство не понять,
Не прочесть всеглазый мира диалог.
Он больному встретит – тот же мир
И один придаст излюбленное чувство,
Чтобы жить на посторонней голове,
Всё предчувствуя иллюзию и боль.
Ходит в чёрном свете тот изгой,
Не объят спонтанной ролью на себе,
Он внутри, как муки постовой -
Незначительное поле от людей.
Ждёт искрой затерянный магнит
По-другому свету пришлый рай
И опять на том судьбу манит,
Сердце славы в медленной поре.
Чёрный свет не нужен в голове,
На тебе он верен личностью – внутри,
Чтобы видеть форму от любви,
На которой ты поставил рай.
Что не сделать личности на той
Посторонней шёпоту искре,

То не взял ты миром на изгое
В страхе слов – необратимо мне.

Городской сумасшедший

Нет над тобой обывательской речи,
Стаяло новое общество в смыслах,
Ты пролагаешь искусству наречие -
Сложно ценя городское приличие.
Только под своды театра и жизни
Ты не ступаешь актёрской приметой,
Чтобы учить городские могилы поэту.
Жив ли герой и откуда за право
Ты не умеючи смыслом торгуешь,
Ждёшь под развалами месяца ада
Свой искромётный источник о чувствах.
На люди вынес свой мира источник,
Стал божеством и от этого прочит
Твой сумасшедший картины реальный -
Ужас прийти за мечтой о любви.
Грозно не выеден слабой моралью,
Слёг в идеальности нового чуда,
Где за торги под судьбой не оставил
Пламя поэта и верности скуку.
Странной основой ты ждёшь это утро
В призрачной метке спустившихся писем,
Но из театра не вышел, как чудо -

Твой историчности странный обычай.
Слёг в истончённом порыве от счастья
Времени в городе слов о приличие,
Стал идеальному возрасту правилом -
Сном сумасшедшей причины в наитии.
Был за поэтом, как раб на истории,
Чёрной обношенной прозой в предчувствии,
Словно сошёл ты с ума от приличия
В этом прямом, утолённом бесчувствии.

Субъективная строчка в себе

На обеденный стол я сложу
Субъективные строчки к еде,
Чтобы думать о численном дне,
Без которого сном дорожу..
Что неявный уставился вдаль -
Опрометчивый ворон над днём,
То не видно им душу и шлёт
Истощение прошлым на гнёте.
Будут письменным образам тьмы
Расточённые облики ждать
До обратного вымысла в них,
От которых не видят ту страсть.
Что на стол я сегодня кладу
И обеденный встретив мотив -
Ты не знаешь его, как одну
Исторической пользы звезду.
Субъективное пламя горит
Под изношенный временем стиль
И об этом внутри говорит,
Чтобы думать над строчкой по ним
Истощением прошлого в стих,
На котором ты снова сложил -

Эту вольность у ворона вниз
И над пищей судьбы – проложил.

Не желаешь видеть смерть

Стоишь потупив взгляд – пути назад,
Чернеет новый день над головой,
За тусклым словом близится прибой
И славы довод видеть под рассвет.
Шатаешься на утреннем снегу
Почтившей слабости из века на бегу,
О том, чтоб думать мыслью иногда,
Приличествуя мысленно в дорогу.
Нельзя унять проблемы вдалеке,
А смерть расположить в одной руке,
Коль скоро мысли льются о нутро,
Приличествуя смелости в душе.
Спустился думать вечностью в метро
И там спросил о слове неприкаянном,
Чтоб ветром стать над личностью одной
И улететь помятым сердцем вдаль.
Туда, где смерти виден силуэт,
Её покорный уровень на взгляд,
Чтоб говорить приличествуя в ряд
Судьбе из толка будущего в нас.
Ты не желаешь думать о плохом,
Иметь спонтанный уровень наград,

Чтоб душу ворошить над этим сном
И снова оправдать искусством взгляд.
Туда, где нет искомого лица,
За вечностью из смерти без тебя,
Где нет усталой повести в любви,
А только шлют судьбе одни дожди -
Причины жизни думать вдалеке,
Чтоб ночью ждать искусственно умом
И в этом теле робостью ища -
Приличествовать смерти над нутром.

Дорога в никуда

Не слышно шум колёс и на огне
Не виден дух костра, свободы в ряд,
Не знает о любви на этот раз -
Природа душ дороги в никуда..
Чтоб стало жить по роскоши своей
Нетленно мило в прошлом и тогда
Ты будешь жив на шуме от огней,
Им форму слов ревнуя в никуда.
Зачатый довод в смерти на тебе
Не знает час от роскоши умом,
Он только виден боли на огне
И сам не тронет риском под углом.
Свою свободу вышел там терять,
Имея пользы численную власть,
Чтоб думать об обыденности нам
И в этом призраке за участью ходить.
Дорога в путь исчезла за углом,
Не видно смерти прошлого опять,
А ты стоишь ей в мире на потом,
Чтоб душу в жизни снова познавать.
Дороги той не властвует мотив,
Не знает от кого ты был ей рад -

Презренный раб под обликом любви,
Забытых слов о времени, в огне.

Следы безголового счастья

Отсюда рвёт причину от любви -
Седой и безголовый год руин,
Он видит счастьем подлую вину,
О той, которой заново вели:
Свои мотивы ценности и чуда,
Свой душ прямой кулак и объектив,
Чтоб словом понимать его мотив
И этим следом думать, как и мы.
Столь стройный час у неба бытия
Не станет безголовой нормой лиц,
Он видит путь над ложью от любви
И этим цель становится прямой.
Что снег потёртой наглости уметь
Искать морали трудному – идти,
По той дороге мысли, чтоб опять
Ему найти покорности судьбу.
Не говори от слов ненадобности им,
Не отпускай итоги чести под откос,
Чтоб думать сгоряча под этот мир
И там тащить излюбленный вопрос.
Что делать на беду пророка сил,
Лояльной жизни в прошлом на беде

Или обратной сути общего – везде,
Где есть спонтанный рупор в рукаве?
Ты им отдашь излюбленный вопрос,
На чём ходил от безголовых снов,
Туда, где нет не общества, не нас,
А только время воспрещает стиль.
Иметь ли право занимать его
Под солнцем жизни в найденных руках,
Как только в безголовье – небу прав
Ты стал и верность общего нашёл?
Сегодня рвёт причину от любви
Им – нежилая воля о прогресс
По форме философского лица,
Искусно проданного в счастье мудреца.

Произведение в запущенной душе

Недолгий ход по старости твоей -
Не ноет в той истории под утро,
А только воет волком на модель
Мечты – в свободной мимике ума.
Загадывая роль своей души
Не стоит думать лучшей суетой,
Что в прошлом отпускаешь на её
Печаль искусства в призрачной строке.
Ты пишешь силуэты о любви
Над правдой не приложенной руки,
Над небом не существенного сна,
Когда на утро опадает стиль
В твоей системе мира от тревог
Внутри фантастики и доли бытия,
Где ты не смог идти навстречу мне
Произведением, запущенным на сне.
Был этот день спонтанной ли судьбой
Или забыл покоем мира о негодном,
Что завтра ты работаешь, а твой
Сюжет – стареет в стиле бытия.
Но этот глаз разгаданной души
Не ставит право дерзости твоей,

А только повторяет слепок лет
На отражённых восприятием мечтах.

Не отделяя смыслом тени

Отправился внутри тебя урок
Искать души спонтанную рутину,
Любви историю и роли паутину,
Чтоб занимать – не отделяя толк,
В который раз – любовную картину,
Ей центром вечных миру уговоров
И обязательных надмению вещах.
Ты рад не отделять любви судьбу,
Ей негодую жить за целое – в себе,
То душу теребя, то на сердцах -
Не радуя своей ревнивой тени
Излюбленное поле, как и страх,
Вернувшийся от смысла бытия
Туда, где время видит только прах
И останавливает общества мечту.
Ты долгожданный путь, где сердцем на виду
Не ощущаешь стиль, потерянный в себе,
А только тени видят в глубине
Спокойный мир учтивого слуги.
Когда ты веришь призраку – впотьмах
Идут вопросом тени, что умы,
Над этим ожиданием и ты

Проходишь к смыслу – в нужную картину.

Привет надеждам Севера

Как с гор спускаются шаги -
Ты видишь их рассвет и даль,
В ней путаница возвышает шаль,
А роль уводит чувство с ней
В такую подлинную даль,
Где не видать искусство там
На обнажённых сердцем тьмой
Надеждам Севера зимой.

То с гор спускаются шаги
Под ветер кромки под тобой,
А холод веет от зари
Путём истории за твой
Погоды северный опал
И слов немедленный итог,
За красноречием тогда -
В него ты будешь одинок.
Смотреть и видеть города
Под толщей ниш и берегов,
Спускаясь к людям иногда
За сотни слов вокруг оков.
Они сложны, как твой привет
Надеждам Севера из тьмы,

Выводят утро над портретом
Под солнцем мысли из пустынь.
Сквозь гор короткий перелёт
Ты ночью видишь эту даль
И шорох утра верит в свод
Искусственного солнца о вуаль.
Она твоя безмерной тьме -
Сестра и ночь погоды зла,
По очереди смотрит нам,
Всё ощущая этот шарм.

Маленький холм на холсте

Видит маяк серый день -
Маленький всход вдалеке,
Может он вытерт на тени,
Может устал от любви..
Смотрит на пустошь над теми
Кто не обязан расти,
Может быть маленьким телом
Будет свой повод вести..
Маленький холм на тебе -
Дикая пустошь сквозь тьму
Маленькой роли в аду
Бегать и словом держать
Истину в каждой руке
Над неприглядным внутри -
Маленьким именем в том -
Опыте догмы для слов.
Снова ты вышел к воде -
Маленький берег везде
Воздух свой ищет и ждёт
Маленький остров из слов,
Где бы ему не уйти
В томном просторе от глаз

Маленькой истины фраз
В догме, на сером холсте.
Этим немирным окном
Стал осознанием душ -
Маленький воздух в руках,
Только ли в пустоши нам?
Был ли ты вытерт из фраз
Маленькой догмы души -
Сам открываешь рассказ
Быстрому веку от тьмы.
Словно она от тебя
Стала простором от лет
В сером холсте из любви -
Общества в каждой душе.

Изображён на небе голосок

Притворен и надмению высок,
Изображён на этом небе голосок,
Он думал страшной ценностью, ища
Свою систему боли воплощения.
Красиво смотрит на земь на тебя,
Не рад, но будит утро в теле слов
Тот голос смысла в обществе живой,
Не небом созданный, но волей.
Как раб не смотрит в нежный голосок,
Ты воздух этот, участью высокий,
Противен даже сердцу и этим говоря -
Ты миром опечален – не творя.
Пустой надел сегодня – недалёк,
Не выяснил на небе свой восход
Тот славный в просторечии, идя,
Опустошённый словом участи звонок.
На каждой догме висится глава,
Должна она понять, что не была
Одной моралью выжженной звезды,
А только тонкой ролью – впереди
Ты слышишь отражение на нём,
Надмению высокой, робкой силы,

В чьей воле тянет тонкий ободок -
Твой неба воплощения – исток
На развалившемся плато у мира этого.

Невидимый сон

Нетленный песок опускает во тьму
Невидимый шаг от стаи из звёзд,
Где воля в бегущей от шума тоске -
Невидима в поле над обществом слёз.
Ей стали угрюмы те воли шаги,
В невидимой маске подкрались враги
И всё же не скроет невидимый сон -
Свой горю спокойный ответ – унисон.
Он видим нам рядом и целой толпой
Во тьме из преграды несётся домой,
Не стает – так ловкой, отловленной птиц
Обрывистой воли оценкой из нас.
Не знает откуда ты видел тот сон -
Немыслимый путник по входу во тьму,
Он жил, словно страхи в потерянном сне
Невидимой плахи в оковах на мне.
Но, вот, просыпаясь ты видишь одну
Досадную сказку на форме из звёзд,
Что смыло песком, опуская ко дну
Невидимой вольности мира у грёз?
Не видно от страха той власти лица,
Не скажет во сне от какого конца -

Ты враг этой форме по участи звёзд
Немыслимой точности шума от грёз.

На одной Неве

Пропадая под тон – колокольный звон
Не проходит в нас и не видит мир,
Он один из глаз – пустозвонных лир
Оперенье фраз и благой мотив.
На одной Неве не сошлись мосты
В упрощении звёзд и прохлады мира,
Но стоишь меж них, как один на звон
Колокольный фон и остаток лиры.
Волей встали в ряд – обращаем взгляд
По пути назад, чтобы жить строптиво,
А они стоят в колокольный ряд
И обняв мосты – упрощают миром:
Целый дух вещей, целый свет идей
На одних цепях и могилах лет,
Чтобы жить опять перед этим нам
И прощать сердца на одной Неве..
То, что было в тон – колокольный звон,
А что небыль взяв – отгромила в путь,
Не ведёт тебя по обрывкам ран,
По другим краям и последним мира.
Ты стоишь один на Неве из звёзд
По пути на целый обелиск из роз,

На твоей щеке не стоят – внутри
Эти формы глаз по другим краям.
Лишь одни ушли по нутру реки,
И оставив путь – разошлись в мосты,
Нет им блага жить в колокольном сне
По своим благам – неприятным мне.
По одной Неве не прошли года,
Не спустились нам, упрощая в склеп
Эти жилы роз и отдали цвет
По другой реке за немой вопрос.

Не беги, от которого ждёшь

Не ищи под упрёком меча
На проталине слова взаймы,
Если видели солнце не мы,
А вторые в искусстве за счёт.
Не снимай это облако звёзд
В золотистом отсвете плеча
Для такого же в стиль сгоряча
Упоённого новой душой.
Если видишь сегодня изгой
И запросишь умильно внутри -
Этот ужас, в котором расти
Неприглядно в могильной тоске,
То от этого мира не жди,
Отпуская фамильные дни
Отвлечения формы из лет
На приятном для нас силуэте..
Этот образ не ждёт сгоряча,
Не пускает искусство меча
В откровенный восторгу полёт
И надмению робкий урок.
Что не чудо – то высмеял в нём
Аллегорию сердца под звук -

Устроитель скабрёзных наук
И манер под фатальные дни.
Не беги, от которого ждёшь,
Им и ветер под правом ища -
Не спеши отучать сгоряча,
Чтобы духом оставили гнёт
Иллюзорные реки внутри,
Образованной формы из звёзд,
Лишь они покорили за счёт -
Волю призрака думать и этим идти.

Старая культура

Загадывая новый век культуры
Не знаешь, чудо ли или одно оставив
Ты волей поднимаешь в сердце камень
И вновь его кладёшь на пьедестал.
То, что годами сожжено – уснуло,
Повисло в счёте мыслимого чуда,
Но стало откровением культуры,
Её причиной жизни и невзгод.
В который год не опадают листья,
Бегут отличные морали на тебе,
А ты возносишь утро на культуре
И новым счётом выбираешь стиль.
Кармическое, подлинное чувство,
Оно не знает было ли причиной
В тебе – отживший образ над судьбой?
Но в этот раз историю допишет
Неровный фон анахронизма листьев
В готическом отсчёте между истин
И веком от культуры поднесёт.
Считает польза старой роли права,
Что сон её бытийной лиры пищи -
Такой же ветер в укоризне славы

И чёрной точке слова у миров,
Где ждёт тебя пародии опричник,
Ломая стены форм постылым криком,
Он душу в том ласкает, словно бликом
И свой анахронизм от нас – ведёт.
Над старым волей правилом остыли
Ментальные наречия на листьях,
Оставили свой почерк и застыли,
Чтоб век хранить под сумерками снов.

Пропусти под водой

Отодвинь ускоритель земного пути,
Пропусти под водой утомление грёз,
Чтобы жили из новой Вселенной – одни
Утомлённые волей устрашения гроз,
Беспринципные формы отдаления слов,
Безграничные волей категории глаз
И для этого мира не искали преград
Между словом и мерой, утолённого завтра.
Пропусти под водой воплощение звёзд,
Их капризный манер и забытый исток,
Где космической рознью угрюмо ведут
Планетарные игры – укротители проз.
Их таинственный образ за гранью души
Не узнает причины утомлённых умов,
Чтобы жизнью искать ограждение глаз,
За которыми прячутся вепри из гроз.
Их коварные тени угрожают везде
Подобрать искушение слова на мир
И упрямой походкой излитой души -
Упрощают влияние пошлости в них.
Ты один не узнаешь, что выдох ума -
Упрощённый мотив, без которого сны

Не остались космической маской сполна,
Под водой, где оставили редкости мир.
Он глотает пародии собственной лжи,
Понимает благие утопии лир,
А над ночью плывут прорываясь – сюда
Обращённые грозы под застенчивый ритм.
Им и холодно словом и убого в душе,
Их не смоют пороги от нелётного сна,
Чтобы ночью забытого воздуха слать
По дороге – на эту пародию лжи.
За тобой не устало уходят дожди,
Им напишут сонеты и признаки слов -
Те, в душе проведённые прозой ума,
Разобщённые призраки света и зла.
Чтобы ночью ты жил от ничейной тоски,
Пропускал под водой утешение нам
И за этим оскалом ты жил по волнам,
Как ничейный мотив из природы души.
Ей устроил свои истощения сны,
Проложил расстояние мирного дней,
Под водой, где не ходят обратно, маня
Эти призраки мира за эхом людей.

Смятение во тьме

Не учреждаешь славу подо льдом,
Лишь сам отображаешь этот день
Во времени, когда ты жилам – тон,
А смерти час у формы из нутра.
То поднимает кладезь мысли, без тебя,
Иллюзия во тьме свободы мира,
Она – прямая пустошь и тебе
Нелишне проводить её глаза.
За ветхим отражением быть ей
Ты повторяешь мыслимое темя,
Сам сомневаясь – дышишь иногда,
А сон печали думает взаймы.
Желает мир приободрить она -
В свободе тона мыслимого чуда,
А ночь переживает день от сна
И пустошь поворачивает к нам.
Чтобы идти в предчувствии и жить
По тоннам мифов общего пути,
Лишь ложью отличать скупые дни
И пустошь от крамольного из нег.
Где жил в источнике желания во тьме
Свободы мира – лучший человек,

Он спал, когда над пищей от ума
Здесь открывала миру подлинная тьма.
Её глаза сегодня мило говорят,
Лелеет смыслом чудо до сердец,
То жилы смерти доблестью горят
И носят на конях ему венец.
Откроет пасть и время на тебе -
Изношенное лестью формы зла,
Оно так долго думало из нот,
Что душу потеряло в мире слов
И сам теперь не знаешь, что вот – вот
Ты небо образуешь в стиле нот,
То падая под смертью возле тьмы,
То сомневаясь в чести от невзгод.
Нелишне говорить, что этим жил
За небом – обретённый формы мир,
Он тьмой судил искусственный мотив
Над оболочкой звёзд, в которых проходил.
Не в этот раз ты учреждаешь – днём
Покойный мир над уровнем мечты,
Что прямо подо льдом у формы сна
Ты сам отправил тьму к приличию зла.

Сахалинский дождь

Не выведен под ледяной закат,
Не снял порочный круг вокруг людей -
Ты будешь лить из тысячи дождей
Внутри укоренившейся мечты.
По соляной прохладе выжженной иду,
Смотрю в песок скоропостижных лет
И ищет память снежный силуэт,
Пока дожди смывают эти дни.
За Сахалином в призрачной воде
Умолкли бурей вздыбленные сны,
А ты по воле счастья не один
Находишь эту почву в силе слов.
Всё держишь формы света для того,
Чтоб ночью проливать под них дожди,
И выть той участью морали от обид,
Где мутный ветер воду теребит.
Пускает жар в людские города,
Отбрасывает смерти снежный вид,
Под новой вечностью навесила коса
Тот мир от непогоды нам за бликом.
Ты держишь ад – он посторонний штрих
Вокруг людей из слова на глазах,

А день порочной вольности манит
И держит откровение под страх.
За старостью проносит он один
Увечные погоды формы снам,
На Сахалине держит волей прах
В дождях, проливших вечности закат.
Чтоб были в непогоде, словно сны
Потёртые, изученные берега глаза,
Как форма для дождя и снов ума
Над небом расточительной оковы.

Висельный номер скитальца

Прозой увенчанный малый
Держит под сердцем для части -
Свой застарелый и старый
Времени слова изгнанник.
Пусть он одолжит печальный
Проз удивления жизни
За алгоритмами дали
Внутренней спеси – источник.
Висельный номер отчасти
Встретит тот прозы изгнанник,
Снова прочтёт этот странный
Страхом забытый и разный -
Ветер почёта, чтоб стал он
Номером счастья от фразы,
Собственным именем дважды
На небосклоне от жизни.
Малый ли сердцем скиталец -
Видит свой внутренний слепок,
Что от поступков им ставит
Этот сегодняшний танец.
Ждёт он и время под прозой
Стало скитаться под ранний,

Словом затронутый формой
Утренний ветер в дождях.
Словно мы плыли за правдой
В этой Вселенной просторной,
Космосом вольности схожей
С личной печалью от слов.
Но от скитальцев похожей
Внутренней рамкой и стилем -
Стал ты им видеть прохожий
Ветренный ум под благими.
Помнит тот мира скиталец
Свой исторический танец,
Болью исхожей в просторах
Видимой части забытого сна,
Где же ты стал им дождями,
Висельной нормой от права,
Что под собой одичала
Сердцем та слова программа?
Встала и к личности мира
Жизнью сложила тот повод -
Жить этой висельной прозой,
Что до фортуны не смеет достать.
Время к ней движется ровно,
В складках листая программу,
Пусть этот номер печальный
Ты не достигнешь от ясности дня.

Будут те жизни встречаться
В новом созвездии драмы,
Долгой приметой из сердца,
Что по привычке ей тоже – горит.

Когда Луна покрывает Землю

Каллисто вымышленной белизны,
Строптивый ученик природы кванта
Ты вышел миром в сердце из войны,
А стал картиной тождества таланта.
Твоя свобода в мире от идей
Не грезит лично в праве отстоять
Причину тождества в руке любви
И мучить Землю в сложности отдать
Космические тени между сном,
Они свободно бережат свой тыл,
А лунный след прелюдии под страсть
Уводит бытие и миром в пасть -
Ты покрываешь тождество Земли.
Ей сном казались личные мотивы,
А спесь от утончённой белизны
Струилась жить, что сломленные сны.
Касаясь этой пустоты Земли
Ты лично видишь исподволь Вселенной,
Что стали отражением ей – мы,
А тени прошлого устали возводить
По этой форме субъективной силы.
Оставили свои причины жизни,

Где лунный парадокс уводит тень
На свет Земли и покоряет стиль.
Ты будешь этой лунной былиной,
Мечтой строптивой ясности Вселенной
Летать, где преисподний ищет свой
Фантом манеры думать о благах.
Он дух Луны и сердце от идей,
Им жизнь рискует ублажать свой страх,
А ночью ты возводишь Землю в прах,
Чтоб снова возродить на ней людей.
Обычная Луна и там, как сны
Проплыли к полным водам бытия
Луны моралии и свод её мечты,
Где ты покрыл ту Землю на словах,
Держась скульптурой познанного мы,
Отчётливо не закрывая прах -
Ты видишь этот проблеск сердца тьмы
И снова удивляешь лунный взмах.

Одну имея правду

Одну имея суть – не обессудь,
Ты вышел из причаленного сна
К тому объёму ноши тождества,
Где день, как субъективное крыло
Всё также веет чудом – тяжело.
И ищет право в мире от людей,
Имея правду только лишь – свою,
Ты суть им ищешь к личному уму,
А сердце повести нелишне указать,
Что больший путь из видимого сна,
На дне которого ты так хотел сказать,
Что все остались близкие мечты
Нетронуты от правды и затеи.
Но делать шаг на подлинных словах
Ты не умеешь в стиле этих лет,
Им ищешь правду и за время – страх
Всё обличаешь к сердцу в высоте,
Которую ты полюбил одну
За правду жизни высмеять, что сам
Не стал стоять искусно на аду,
А смертью вышел в подлинном опять.
Не этот день имея – смотришь ты,

Как солнце объясняет эту страсть,
По стороне которой стали мы
Иметь всю жизнь и правду на словах,
Искать причины в личности одной,
Страшить искусство в сердце и затем
Им верить в чудо высоты из звёзд
И этим в праве говорить – своё.

Открываешь телефонный путь

За смертью из короткой проводной
Системы слов и провода от лиц -
Ты ищешь день и новых проводниц
В культуре смысла подлинной души.
Они столпились мантией у прав,
Одержат стилю телефонных прав
Свою свободу мира сквозь беду
И личный казус сердца на виду.
Ты позвонишь из целого меча
Искусства взгляда – миром сгоряча,
А сам им будешь подлинно расти
И жить в среде от мысли проводной.
Но этот мир нетленный и родной,
Он жив пока идёт у хода чисел
Тот провод счастья мысли неземной
Сквозь бытный диалог и воли такт.
Однако, склонна понимать твоя
Фатальная примером былина
Достаток чувства в призме от людей -
То мир беспроводной идеи
Кружит искусной волей и тащить
Не нужно жизни провод – на себе,

А только можно пафосом – душисть
Искусство слова в памяти о нас.
Но дом ты открываешь, словно жизнь
И путь по телефонной мостовой
Не пройден сквозь изысканный мотив,
Он ждёт свой обязательный гнедой
Источник прав и жизнью – не один,
Но был за номер поднят этот мир,
Что позвонил в чутье оскомины на пядь
И жизнь его нетленно смыла память.
Остался только номер – проводник
И с ним ты был готов, опять поник,
Что сны в чутье от боли проводной,
Где ждёт тебя твой дом в душе одной.

Главное, чтобы не ты

Везде сердобольный урок,
Он ищет претензии мне,
Главное, чтобы не в срок
Ты уложился в вине.
Этому слову понять
Трудно идиллии вне,
Кто под системой опять
Гнётся над словом в войне.
Главное, чтобы не мне
Исподволь плыли глаза,
Ночью увидев восторг
В небо указывал Бог,
Главное, чтобы не стал
Этим упором в душе
Ты ощущать, словно дым
Пищу их вечного сна.
Утром не брезжит впотьмах
Нервами держит сквозь тьму,
Главное, чтобы не мы -
Видели эту войну,
В сердце дрожа о словах,
В мире искусства дрожа,

Главное, чтобы не страх
В вечном покорстве рожал
Смертью изношенный стыд,
Время на подлинной мгле,
Главное, чтобы в глазах
Видели сердцем во тьме
Тот сердобольный урок,
В стиле которого мы
Стали теперь не от строк
Правдой под словом в вине.
Смыслом из времени впрок,
Словно дождались из тьмы
Главного времени в срок
И от того, от которого жили -
Были не этой войной
Будней в причине их сил,
Слёз от стремления жить
В частном упорстве от жил
Подлого слова под прах
Личности, в теле от грёз,
Где от искусства ты рос
И над причиной войны – видел день.

Разоблачитель в сердце

По тонкой впадине и тень
Казалась вымышленным сном,
Ты осуждал искать любви
Искусственную жалость,
То, что казалось в сердце – ей
Блистало ложью и вокруг
Ты открывал коварный день,
А сам испытывал разлуку.
Повёл рукой и стал умом
Различия потёмков на любви,
Развития утопии во сне
И блажи истины на этом.
Но звонкий тон манер
В разоблачителе силён,
Он склонен обнажать любовь
В искусство ли, но осторожно,
Делить фатальную игру
На половину от того,
Кто умер перед бытием,
А кто ещё не мыслит тут
Прощальный трепет и уют,
Чтоб белым утром принимать

Судьбы могилы за любовь
И этим сердцем – управлять.
Ты стал шатром его причуд,
Завесой пользы и печали,
Тобой не мир искал приют,
А только звери одичали,
Когда ты манией с плеча
Искал полуденную робу,
То в сердце думая, то им
Расплачивая мести пробу.
Ты выжил этим над умом
В разоблачителе из ножен,
Стоящих возле сбруй и рот,
Не обнажая грубый торг,
Твой меры фарс и диалект
Не знал портрет судьбы безумней,
Чем это право от людей
И месть искусственного чувства.
Но был в тебе один испуг,
Ты равен счастью, как и мы,
Становишься умом разлук
И понимаешь час от тьмы,
Где ей стоишь и ровен век,
Что обличил судьбы игру,
Ведь это просто человек,
Его искусственного шага глубина.

Близко на шаг

От раздолья ушла на уме
Подопечная старость в любви,
Ей не носят цветы и шаги,
По которым нам стало тепло
Уходить между гор и огней,
Понимая усталость пути
И над заревом видеть людей,
Кто от ужаса умер на нём.
Близко шаг расправляет свои
Равновесием мысли в уме,
Он не ждёт их потери и смерть
Так привычна, что тело в огне.
По догадкам ты ищешь вокруг
Непристальное общество мне,
А находишь за шаг – эту боль
И угрюмый сюжет в глубине.
Очень плохо от важной тоски,
Кто идёт на пути – не у дел,
Кто не высмеял новый предел,
А над памятью боли – постиг
Близко шаг и уверенный стиль,
Близкий круг утомления лиц,

Им бы слово над правом – одним
И умеренных видимых птиц,
Что и стаяй любви пролетят,
И потрогают вдоволь шаги,
От которых идти не хотят
По оврагам – другие враги.
Где не место им мало, а вид
Не пристал от ужимок расти,
Он землёй покрывает гранит
И от верности – самых идти
Постигает уверенный вид,
Понимает тоски диалект,
Чтобы думать опять за двоих
И так близко за шагом – идти.

Не жале́й свою́ смерть

Не увиливай в свете души
По тропинке из блага её,
Не доказывай счастьем чутья,
Что спросило о воле любви.
Что и сотканный мир у тебя
Не отважен, но прост в глубине,
Всё сидит и понурой тоской
Производит на смерти – покой.
Отвлечённому сердцу вдали
Эта смелая тянет рука,
Что так близко была от любви
И игриста от яркого сна,
Не жале́й эту волю о смерть,
Не тащи по привычке её
Обозначенный номер души
По досаде, что чувствуешь вдоль.
А напротив – ты тешишь умом
Испросившее чудо под власть,
Им не хочешь уметь узнавать
Обывателя скромные дни.
Не проси этой воли – о ней,
Чтобы думать про пищу Богов,

От которого сердце без слов -
Небывалый ответ и восторг.
Ты не знаешь откуда его
Обличители видят простор,
По которому смерти раздор
Не приходит и в этом уме.
Но опричник сидит в глубине,
Он над миром в приличии – стыд
И от этого волей хранит -
Обличение роли на смерть.
Не зови эту пустошь внутри,
Открывая иллюзиям честь,
Чтобы душу свою отвести
И направить под мысль и вопрос.
Что не стало тебе умирать,
Не пристало иллюзией жить
На прощание к форме любви,
Сознавая всю жалость и боль.

Куртизанский подвал

Отчаявшийся смотрит на постель,
Там мир единой мысли о беде -
Диктует право почести – везде
И поднимает куртизанский день..
Белеет фатум к счастью иногда,
Ведь он невидим к пользе от людей,
Что этой ночью смотрят – на постель,
Где мир от счастья – побеждает день..
Всё ближе судеб полный разговор,
А ты опричник в чёрной полосе,
Твой куртизанский юмор мыслями о тон
Проводит довод истины людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.